

ЭШЛИ ДЬЮАЛ

СМЕРТЕЛЬНО
ПРЕКРАСНА

LIKE
BOOK

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д92

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Иллюстрация на переплете — *Djuneу9*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Mid0ri / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дьюал, Эшли.

Д92 **Смертельно прекрасна / Эшли Дьюал. — Москва :**
Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-177878-1

Семнадцатилетняя Ариадна Блэк потеряла семью в страшной аварии.

Она хочет начать новую жизнь и переезжает в Астерию — город на Восточном побережье, где живут ее тетушки Норин и Мэри-Линетт Монфор, родные сестры матери.

О семействе Монфор ходят странные слухи: они заперты в четырех стенах своего старинного особняка Монфор-л'Амори, а люди считают их причиной самых необъяснимых и загадочных событий, происходящих в Астерии.

Ариадна старается игнорировать слухи, но со временем ее одолевают сомнения: можно ли доверять таинственным родственникам?

Ариадна хочет разобраться в семейных тайнах и выяснить, что же происходит в Астерии на самом деле. Но на пути к разгадке своего прошлого она понимает, что убежать от себя и своей семьи не так просто, как кажется.

Готова ли Ариадна к самому опасному приключению в своей жизни?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дьюал Э., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-177878-1

*Мы смотрели в лицо Смерти,
И Смерть моргнула первой.*

ПРОЛОГ

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Например, я терпеть не могу разговоры с предками об учебе. Каждый раз, когда они затевают эту песню — а делают они это довольно-таки часто и серьезно, я отворачиваюсь и представляю, как прыгаю с крутого обрыва, и это мне кажется классной перспективой, ведь нахмуренный лоб отца и серьезный взгляд матери выглядят чертовски раздражающе. Иногда я думаю, что лучше действительно спикировать с утеса, чем выслушать в очередной раз их рассуждения о будущем и прочей чепухе. Затем я возвращаюсь с небес на землю, выбрасываю из головы мысли-паразиты и киваю родителям. Порой киваю не один раз, чтобы мама перестала причитать — остановить ее сложно.

— Ты ведь особенная.

На слоганы для неудачников похоже, верно? Но мама считает, что мотивирует меня. Мне хочется сказать, что ее наставления — глупости, но она расстроится. Мама жутко впечатлительна. Она наверняка удивится, если рассказать ей историю о Санта-Клаусе. *Настоящую* историю, а не ту, в которой толстый мужик спускается по трубе и разбрасывает подарки.

Зима в нашем городе паршивая. Дороги замело, за окном — ни черта не видно.

Дворники работают ритмично, скребутся, как стекло о пенопласт, и нет чтобы как обычно пойти в школу, я еду с семьей в универмаг на отшибе, мать его, мира. Нет, не то чтобы я хотела сидеть на занятиях, просто поездки с предками заканчиваются драматично. Сталкиваюсь с мамой, вступает отец. Ну а еще ноет сестра, которая ненавидит, когда мы ссоримся и орем друг на друга.

Мама у меня психолог, это жутко бесит. Она вправляет мозги всяким суицидальным подросткам, шестнадцатилетним мамашам и прочим недомеркам, *которые не подумали о своем будущем и потонули в омуте собственного безумия*. И со мной мама ведет себя так, будто я хоть чем-то похожа на этих маниакальных креатинов. Да, она всегда придет на помощь, но даже тогда, когда ее помощь не требуется. Это реально мешает нам с ней понять друг друга. Она вечно меня за руку держит, словно я утопающая. Но я не тону — вот в чем проблема.

— Ты не пробовала записаться на дополнительные кружки по рисованию?

— Да пошло оно все, мам!

— Ари, следи за языком!

Мама оборачивается, смотрит огромными глазами, и мне тут же становится стыдно. Не люблю ее разочаровывать. И дело не в том, что я сказала: «*Пошло все*». Я могу ругаться сколько влезет, но ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, нельзя забывать о *мать-его-прекрасном-будущем*. Целый храм поклонения какому-то там будущему, которого может и не быть! Могла бы сказать: Ариадна, забудь про дополнительные кружки для неудачников. Или: Ариадна, удели больше внимания себе и своим желаниям. Нет, Ари, цепляйся за все, что только можно, и несись так, будто за тобой мчится поезд, норовящий размазать твое лицо по асфальту.

— Мам, я слушаю музыку.

— Нет, не слушаешь.

Я поджимаю губы и притворяюсь, будто не слышу ее. Смотрю в окно.

— Ариадна Мари Блэк, я с тобой разговариваю. — Мама выдыхает и смотрит на меня потускневшими глазами, в которых не-

ожиданно проносится печаль. — Я не хочу, чтобы ты что-то упустила. Жизнь такая короткая.

— Мам, к чему все это? Что за упаднический настрой?

— Просто... — Мама застывает с открытым ртом, отец поглядывает на нее с тревогой, и тогда она встряхивает темными волосами и выпрямляется на сиденье. — Просто у меня плохое предчувствие.

— Предчувствие? Опять эти твои «странные штучки»! — я закатываю глаза. — Что на этот раз? Увидела плохой знак в чайной заварке или сон приснился?

— Ари, — протягивает отец, — хватит.

— Что? Мне просто интересно. Вечно маме что-то в голову взбредет, а я отдуваюсь.

— А я когда-то ошибалась? — Мы вновь смотрим друг на друга. Ее карие, почти черные глаза проникают внутрь меня, и живот скручивается от непонятного ощущения. — Стоит ли напомнить тебе про тот день, когда ты...

— О нет!

— ...решила сходить в кино на свидание с Беном Мак-Каффи. Я говорила, не ходите в кино, лучше в парке прогуляйтесь, а ты, конечно, назло мне и всему миру согласилась на фильм, как он назывался еще... по-дурацки как-то.

— *«Всегда говори всегда»*, — помогает папа, кривя губы.

— Да, точно! А потом, что потом случилось?

— Хватит, — я прикрываю пальцами покрасневшее лицо, — ма-а-ам!

— Потом на тот же сеанс пришла его бывшая подружка Синтия. И Бен целый вечер в ее сторону смотрел, потому что не мог глаз оторвать.

— Это нечестно! Такое один раз случилось.

— Такое постоянно случается, — говорит отец и смеется. — Ты никогда нас не слушаешь, а потом жалуешься. Если мама говорит, что нужно записаться на дополнительные кружки, значит, так правильно. Что ты теряешь, Ари?

— Собственное мнение.

Мама всплескивает руками, Лора повторяет за ней, будто играет в какую-то, только ей известную игру, а я расстроено взды-

хаю. Когда мы научимся слушать друг друга? Разве так сложно — не ругаться, а разговаривать? Отстойная зима какая-то.

Покрышки скользят по мокрой дороге, папа смотрит на меня, криво улыбаясь, в салоне жарко, окна запотели, и капли скатываются по стеклам, как по щекам Лоры, когда она ревет из-за мультиков. А затем неожиданно перед машиной вспыхивает что-то яркое. Мама кричит — я не разбираю слов, папа резко выворачивает руль, и машина слетает с обочины в черную пасть леса.

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Но иногда мы не понимаем, что такое *«лучше»*, что такое *«плохо»*. Мы жалуемся на жизнь, и вскоре она начинает жаловаться на нас, преподнося неприятные сюрпризы.

В тот момент, когда Лора — мой совсем маленький, надоедливый монстр — застывает с распахнутыми от ужаса глазами, а родители подаются вперед от сильнейшего удара, я понимаю, что готова жить в том плохом, которое у меня было. Что мое плохое на самом деле хорошее. Но я понимаю это слишком поздно.

Все мои мысли исчезают, и я превращаюсь в надоедливую мошку, которую хватают в ладони и сдавливают изо всех сил. Я слышу хруст, а после — ничего...

Глава 1

АСТЕРИЯ

Я приезжаю на закате. Останавливаюсь напротив небольшого двухэтажного дома и выкатываюсь из машины, захлопнув за собой дверь. Мои руки непроизвольно сплетаются на груди, а легкие вспыхивают огнем, будто я вдохнула горячий пар.

Коттедж старый, но выглядит прилично. Крыша черная, стены сероватые, трудно сказать, что это за архитектурный стиль, я в этом плохо разбираюсь, но здесь определенно прожило не одно поколение Монфóр-л'Амори. Язык сломаешь, верно? Именно поэтому фамилию сократили до Монфор. Звучит не так пафосно, но зато никто не ошибается и не думает по десять минут, прежде чем позвать вас.

Меня обдувает теплый ветер — южное приветствие южного городка Астерии.

Я закрываю глаза и глубоко втягиваю воздух, пытаюсь свыкнуться с той мыслью, что жизнь продолжается. Трудно поверить! Жизнь не должна продолжаться. Я не хочу, чтобы она продолжалась. Но водитель фуры не спросил разрешения, когда выехал на встречную полосу, и в больнице не спросили, хочу ли я проходить терапию. Собственно, социальный работник у меня тоже не поинтересовался, намерена ли я переезжать в Астерию к двум сумасшедшим сестрам матери, которые живут за счет неплохого наследства, оставленного прадедушкой. Никто ничего не спросил, и все за меня решили. Мне остается лишь стоять здесь и делать вид, что я дышу. Что мир крутится. Что родители и Лора не умирали.

Достаю с заднего сиденья две тяжелые сумки. Закрываю машину и на автомате плегусь к коттеджу. Калитка скрипит, когда

я толкаю ее бедром. Медленно ступаю по каменной дорожке, оглядываюсь и вижу ворона, притаившегося на растопыренной ветке. Он громко каркает, и его крик прорывается внутрь меня, отдаваясь эхом в голове. Жутко здесь, очень-очень жутко. И я скептически хмыкаю.

Бросаю сумки на коврик перед дверью и встряхиваю волосами. Вытираю ладонями вспотевшее лицо и резко опускаю руки. «Просто плыть по течению», — думаю я. Это все, что мне нужно. Доктор сказал, однажды я найду смысл в жизни. *Он пообещал мне.* Ну а я ответила, что он убудок, все его слова — полная чушь и что, если он еще раз скажет подобную несуразицу, я сорвусь с кресла и выбью ему его идеальные зубы. Вот так мы обменялись обещаниями, и он больше ни разу не втюхивал мне этот бред про светлое будущее и мир во всем мире.

В очередной раз набираю в легкие воздух, поднимаю руку, собираюсь постучать, но неожиданно дверь резко распахивается, и я проваливаюсь в пустоту, едва не задев лицо маминой младшей сестры Мэри-Линетт.

— Ариадна, — говорит она и улыбается. Глаза у тети Мэри светло-изумрудные. Таких я ни у кого прежде не встречала. — Наконец-то ты приехала.

— Да, — киваю я, — приехала.

Мэри-Линетт назвали в честь актрис, прославившихся и потухнувших в далекие 50-е годы. Родители долго не могли определить, какое имя больше подходит дочери, и в итоге решили не заморачиваться.

Мама часто рассказывала мне эту историю. Все время смеялась. *Мама.*

Я отворачиваюсь и крепко стискиваю пальцы в кулаки. Каждое воспоминание о ней делает мне больно. Очень больно. Я чувствую, как вспыхивает лицо, щеки, лоб, как тело в мгновение превращается в факел, и я ничего не могу с этим поделать. Просто горю.

— Ариадна, — шепчет тетя Мэри, кладет ладонь на мое плечо, и пожар, пылающий во мне, неожиданно утихает. Я растерянно застываю. — Когда-нибудь тебе станет легче.

— Что?

— Проходи в дом. Норин чувствовала, что ты подъезжаешь. Сделала чай и разогрела еду. Ты ведь проголодалась, верно? — она смотрит на меня огромными глазами, а я просто молчу. Давно мне не было так спокойно... Однако едва тетя отнимает руку от моего плеча, как тревога тут же вонзается острым клинком в живот, и я горблю спину.

— Мне нужно...

— Не стой на пороге! Я занесу вещи. Давай же, проходи, Ари. Проходи!

Мэри-Линетт затаскивает меня в коттедж, а сама энергично подхватывает с крыльца сумки. Откуда у нее столько сил? Мэри старше меня лет на пятнадцать. Она не похожа на типичных представителей молодежи, но в ее глазах горит огонек, свойственный малолетним авантюристам, которые еще не представляют, в какое дерьмо они вляпались. Жизнь ведь дерьмо — я могу написать об этом книгу.

Мэри захлопывает дверь и подбадривающе кивает мне. В доме темновато и пахнет какими-то травами. На стенах приуныли потертые зеркала разной формы, черно-белые фотографии. Под ногами скрипят половицы. Слышу, как тикают часы, и взглядом пытаюсь их найти.

— Хорошо выглядишь, — улыбается тетя Мэри и вскидывает острый подбородок, — такая красавица. Сколько сердец уже разбила, признавайся?

— Ничего я не разбивала. — Безучастно отворачиваюсь. Глупый разговор. Не хочу делать вид, будто все в порядке, и обсуждать парней — нормально. Ненормально. Я здесь не потому, что соскучилась по Мэри или Норин, а потому, что умерли мои родители, и как-то странно выбрасывать этот факт из головы. — И выгляжу я обычно.

— Может быть, прогуляемся? Я покажу тебе Астерию.

— Может быть.

— Было бы неплохо выбраться на воздух вместе, Ари.

— Было бы неплохо свыкнуться с мыслью, что я здесь, а не дома. — Я перевожу взгляд на младшую сестру матери: — Сейчас мне хочется только этого — и все.

Мэри-Линетт протяжно вздыхает, но продолжает улыбаться. Не понимаю, как она силы находит. Почему способна разговари-

вать? Почему ходит с таким лицом, будто ничего не случилось? Может, она так долго не видела маму, что успела забыть ее?

Задумчиво свожу брови. Иду за Мэри-Линетт и через несколько секунд оказываюсь на уютной кухне, где возле плиты стоит средняя сестра моей матери Норин — высокая и худая женщина с густыми короткими волосами цвета воронова крыла. Ее тонкие длинные пальцы рвут листья салата и складывают их в прозрачную миску. Спина у нее до безобразия прямая, а на ногах широконосовые туфли, наверняка жутко неудобные.

Мэри с глухим стуком бросает сумки. Они плюхаются на пол, разносится эхо, и тетя Норин растерянно оборачивается, сощуриив серо-голубые глаза — они у нее такого же цвета, как пятнистые озера в Британской Колумбии.

— Ариадна? — тихим голосом спрашивает она и вытирает ладони о фартук. Ох, как же нелепо он на ней смотрится. Серьезная и холодная, как метель в Миннесоте, она достойна жизни в XIX веке, а не коттеджа в веке информационных технологий. — Ари!

Норин делает несколько широких шагов и внезапно прижимает меня к себе, да так крепко, что у меня перехватывает дыхание. Я неуверенно кладу ладони ей на плечи.

— Как ты? — шепчет она мне в волосы. — Устала?

Не знаю, что ответить, поэтому молчу и жмурюсь. Так неожиданно, но мне не хочется отстраняться, хочется провести в таком состоянии вечность. Но тетя почти молниеносно размыкает объятия и поправляет воротник свитера. Лицо у нее непроницаемое.

— Садись. Выпей чаю и поешь. Я приготовила тебе комнату на втором этаже. — Норин проходится пальцами по коже под глазами и порывисто отворачивается. Облокачивается о разделочный стол и кивает сама себе, будто соглашаясь с чем-то. — Ты любишь мятую?

Открываю рот, но она уже отвечает:

— Да, любишь. Точно.

Растерянно улыбнувшись, я усаживаюсь за дубовый стол. Мэри плюхается напротив, складывает руки в замок перед собой, и мы замолкаем, будто видим друг друга впервые. Неловкая ситуация. Я поправляю волосы, они у меня огненно-рыжие, как медь,

и собираю их в пучок. Трудно сказать, что именно я сейчас чувствую, пожалуй, мне не по себе.

— Как доехала? — деловым тоном интересуется Норин, добавляя в чай мяту.

— Хорошо, без проблем.

— Мы записали тебя в школу, отдали документы. Занятия уже идут пару недель, но...

— Но идти завтра не обязательно, — громко заявляет тетя Мэри и с вызовом косится на сестру, — если хочешь, отсидись пару дней или недель. Ничего не случится.

— Хотя лучше, — добавляет Норин, — уроки не пропускать, все же начало года.

— Кому какое дело до этих уроков? Бессмысленная трата времени.

— В мире принято бессмысленно тратить время на занятия в школе, Мэри.

— А еще в мире принято носить обтягивающие джинсы и поощрять однополые браки.

— Ей *нужно* ходить в школу.

— А я что, говорю не ходить? Хотя можно и не ходить, — шепчет она, наклоняясь ко мне, а затем вновь смотрит на сестру: — Ариадне надо привыкнуть, вещи свои разобрать, в конце концов. Как думаешь, Ари?

Хлопаю ресницами и ощущаю, как в воздухе повисает напряжение. Ну и странные у них отношения!

— Я сделаю, как вы скажете. Завтра в школу? Хорошо.

— Норин так не говорила.

— *Я так* сказала, — заявляет Норин холодным тоном.

— Ну что за глупости? Понюхай базилик, Норин.

— Я сейчас дам тебе понюхать асафетиду, — развернувшись, угрожает Норин, и я вдруг думаю, что асафетида — это как минимум ядерная бомба, потому что взгляд у тети сердитый.

— Все в порядке, вы чего? — я приподнимаю ладони в сдающемся жесте и встаю из-за стола. Норин и Мэри-Линетт синхронно переводят на меня взгляды. Никогда раньше я не замечала, что они так похожи. — Я могу разобрать вещи сейчас, а завтра пойду в школу.

